

УДК 821.161.1.09
ББК 84.3 (2 РОС) 6

А. И. Смирнова
г. Москва, Россия

Литературная традиция и «эпистолярный дневник» В. П. Астафьева

В статье впервые подвергается анализу «эпистолярный дневник» известного русского прозаика В. П. Астафьева, представляющий собой собрание писем автора с 1952 по 2001 гг., обосновывается вывод о том, что Астафьев, с одной стороны, развивает традиции эпистолярной литературы, с другой стороны, создаёт новую форму эпистолярного повествования, приближающуюся к писательскому дневнику.

Ключевые слова: эпистолярная литература, традиция, дневник, письмо, исповедь.

A. I. Smirnova
Moskva, Russia

The Literary Tradition and «The Epistolary Diary» by V. P. Astafyev

In the paper the analysis of «The Epistolary Diary» by the known Russian prose writer V. P. Astafyev that represents a collection of the author's letters from 1952 to 2001 has been performed for the first time. Here the conclusion is made that Astafyev develops the traditions of the epistolary literature, on the one hand, and creates a new form of the epistolary narration which appears closer to the literary diary, on the other hand.

Keywords: epistolary literature, tradition, diary, letter, confession.

Эпистолярная литература имеет давнюю традицию: в античные времена письма сочинялись как литературные произведения, именно поэтому чёткую границу между частной перепиской и эпистолярной стилизацией порой трудно установить. «В средневековой Европе межмонастырская переписка была средством публичной богословской полемики» [5, с. 1234]. К наиболее известным образцам русской публицистики времён Московского царства относится переписка Ивана IV с князем А. М. Курбским и письма протопопа Аввакума.

В XVII–XVIII вв., по наблюдению исследователей, «форма эпистолярной литературы используется как способ придания непосредственности интеллектуальному общению» [5, с. 1234], эта тенденция проявляется в «Письмах к провинциалу» (1656–1657) Б. Паскаля, «Письмах к сыну» (1774) Ф. Честерфилда, в переписке Вольтера. Среди эпистолярной литературы этого времени вызывает особый интерес «Дневник для Стелы» (1710–1713) Дж. Свифта, т. к. собрание частных писем стало, по сути, началом формирования английского социально-психологического романа. И «использование эпистолярной формы как способа повествования породило особую жанровую разновидность, иногда называемую эпистолярным романом» [5, с. 1234], хотя, по верному наблюдению В. С. Муравьёва, «сколько-нибудь определённой содержательной эпистолярной специфики она не имеет» [5, с. 1234].

М. М. Бахтин в работе «Проблема речевых жанров» обращает внимание на механизм трансформации первичных (простых) жанров в составе вторичных (сложных) жанров, относя к первым наряду с другими и письмо «во всех его разнообразных формах» – как бытовой жанр письменного общения. «Вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры. <...> В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [3, с. 239].

Прозаические литературные произведения, использующие форму письма или переписки, условно можно разделить на публицистическую и художественную прозу. В первом случае форма письма – это риторический приём («Персидские письма» Л. Монтескье, «Письма без адреса» Н. Г. Чернышевского и др.), во втором – органичная часть художественного целого – романа или повести («Страдания юного Вертера» И. В. Гёте, «Мартовские иды» Т. Уайлдера и др.).

Проследивая традицию, в русле которой развивалась русская эпистолярная проза как разновидность публицистического повествования, необходимо выделить переписку выдающихся деятелей, имеющую несомненное историко-культурное значение. К явлениям такого рода можно

отнести «Эпистолярную прозу А. С. Пушкина», издание писем «Ф. М. Достоевский и А. Г. Достоевская. Переписка», «Письма А. Блока к жене», «Эпистолярную прозу М. Цветаевой» и др.

После Второй мировой войны эпистолярная форма приобретает особое значение как непосредственное, подлинное, лирически насыщенное свидетельство. Эта тенденция наиболее отчётливо проявилась в «эпистолярном дневнике» В. П. Астафьева «Нет мне ответа» (2009), в который вошли письма писателя 1952–2001 гг. Необычная история этой книги заключается в том, что собрание писем было составлено и озаглавлено не самим автором, а издателем – Геннадием Сапроновым. В название книги вынесена итоговая строка из астафьевского повествования в рассказах «Царь-рыбы» [1, с. 544], которая вошла и в эпиграф, открывающий «эпистолярный дневник»: «Все течёт, все изменяется – свидетельствует седая мудрость. Так было. Так есть. Так будет.

...Так что же я ищу? Отчего мучаюсь? Почему? Зачем?

Нет мне ответа» [2, с. 11].

Несколько сотен писем, опубликованных посмертно (к 85-летию со дня рождения В. П. Астафьева) и расположенных в хронологическом порядке, по предельной искренности и открытости авторской позиции являются подлинной исповедью. Перед нами, образно говоря, кардиограмма жизни писателя, без которой не понять его личности и творческого пути, не объяснить отношения к прошлому, к пережитому, к истории; не почувствовать его боли, которая, по-видимому, когда-то и подвигла к творчеству. Писательство для Астафьева – тяжёлая работа, о чём он не устаёт повторять начинающим авторам. «<...> Литературу я ставлю на один шаг с тяжелейшей службой и мужской работой» (И. Соколовой, 1973) [2, с. 178]. «Я вообще изнашиваюсь сильно, когда работаю. <...>» (В. Юровских, от 6 декабря 1973) [2, с. 179]. Или в другом письме тому же адресату с горечью пишет: «На износ живу» [2, с. 257]. Для Астафьева литературный труд – это и мука, и счастье.

В одном из писем 1973 г. Астафьев заметил по поводу изложенных другими биографическими сведениями о его жизни: «А биографию надо писать. Пишут все и врут, либо нажимают на жалостливые и выигрышные моменты: «тяжёлое детство», «солдат», «рабочий» и вот вам – писатель. <...> Так маскируют трагедию личности и

литератора, значит, и всего общества, как охотно и поспешно теряющего своё нравственное и национальное достоинство» [2, с. 173]. Письма, собранные воедино в «эпистолярный дневник», и стали самой объёмной биографией писателя с момента вхождения в литературу, по крупицам из года в год создававшейся им самим. В то же время это и срез литературной жизни на протяжении полувека.

В. П. Астафьев раскрывается в письмах как живой человек со своими индивидуальными чертами – внимательный и чуткий к людям, сердечный и благодарный, жёсткий и резкий, не поступающий своим мнением и своей правдой; как муж и семьянин, сын и отец. Наконец, как товарищ «по цеху», заботящийся о пишущей братии, «пристраивающий» произведения начинающих авторов; требовательный читатель-профессионал, критикующий и помогающий, радующийся успехам других. Но главное, в письмах речь идёт о процессе создания будущих книг, запечатлено творческое напряжение, в котором постоянно пребывает автор. Он поглощён мыслями о своих произведениях, находящихся в этот момент в работе, будь то создание текста, его последующая доработка, перипетии, связанные с публикацией, требованиями цензурного порядка, переживаниями по поводу прохождения рукописи. Своими переживаниями по поводу подготовки к публикации «Царь-рыбы» в журнале «Наш современник» Астафьев делится с критиком Валентином Курбатовым, его постоянным адресатом. Их переписка ранее была опубликована в книге «Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России» [4]. В письмах, вошедших в «эпистолярный дневник», раскрывается творческая история многих его произведений: запечатлены муки творчества, поиски слова, звука, детали, образа; процесс рождения новых замыслов и создания произведений.

Живя проблемами литературного общества и принимая активное участие в литературной жизни, заботясь о семье и более душой за свою многочисленную родню, тоскуя по малой родине, В. П. Астафьев постоянно стремится удалиться в деревню, на природу, чтобы писать и писать. Это та мучительная страсть, которая не отпускает его и не даёт покоя – вопреки болезням, контуженой голове, ранениям,

полученным на фронте, вопреки бытовому комфорту. Мощная творческая энергия буквально «распирает» писателя, ему, по-видимому, тесно и в рамках определённого жанрового канона, в границах художественного произведения, может быть, поэтому он – в лучших отечественных традициях эпистолярного жанра – пишет пространственные письма, очень разные по характеру выражения чувств (в зависимости от адресата), в которых отчётливо проявляется его способность живописать. Так, в одном из писем от 7 апреля 1975 г. читаем: «Утром едва расходился. Истопил печь и сел работать. Сделал немного, только беру разгон в новой главе. <...>

Глядь, с верхнего плёса пошла льдина. Дыбится, ломается, кусты на пути гнёт и режет.

Пообедав, отправился на реку. Потихоньку пошёл я по берегу к устью Сиблы, соображая, где потом и как можно будет рыбачить. Пришёл к Сибле, она разлилась, затопила кусты, бушует, грязная, взъерошенная, издали шумит, словно большой поезд на железной дороге.

<...> Но вот на той стороне вскипел белый бурун, донёлся шум, треск, что-то ахнуло, сломалось, и я увидел, что вся льдина двинулась, пошла почти незаметно глазу! <...>

Как прекрасна эта живая, трепетная река, пусть немножко холодноватая, тёмная и жуткая с виду, но тело её дышит, плоть, переполненная силами, куда-то стремится, чего-то ищет, ждёт. Снова я подумал о своей дочери на сносях, о том, что жизнь, как и чем бы её ни умирляли, берёт своё, всё хочет рожать, продолжать себя в нас» (здесь и далее курсив мой – А. С.) [2, с. 205]. Так, в «первичном речевом жанре», обычном письме проявляется характерное для автора особое восприятие и специфическая функция природного описания, соединившего в себе глубоко личное и сугубо профессиональное. Творческий процесс продолжается в переписке, в ней отгачивается слово, проверяется на зоркость «глаз», быстрыми и уверенными «мазками» выписывается картина. Переписка для Астафьева – это больше, чем способ общения, это ещё и художественная мастерская, «подспорье» в его писательском труде.

Дневниковый характер писем проявляется в том, что их автор открыто, прямо, иногда резко выражает свою позицию, будь то происходящее в стране, в литературе, в писательской среде. В девяностые годы его многое не устраивает в наступив-

шем «водвороте» жизни, в письмах доминирует оценка общественно-политической ситуации, нежели литературной. В мае 1990 г. одно из писем Астафьев завершает словами: «Что-то будет? *Уцелеет ли Россия и мы вместе с нею?*» [2, с. 444]. Его беспокоит состояние современной литературы. Так, размышляя о «тщете слов и пустопорожности суеты», писатель замечает: «Скоро слово никому не нужно будет совсем... Художники новых времён будут идти не от жизни, а всё от той же литературы, от зауми и беспочвенной выдумки. Их уже много, находящихся между небом и землёй, но ближе к ничейному пространству, а будет ещё больше, они выдоят до крови всё молоко, всю жидкость из великой литературы прошлого и станут перепевать друг друга, да и уже перепевают» [2, с. 445]. Астафьев выступает с позиций писателя-реалиста, продолжателя традиций русской классической литературы.

Несмотря на то, что автор «эпистолярного дневника» выступает против коммунистов, постоянно говорит о зле, которое принёс с собой большевизм, о вреде, нанесённом великой русской литературе соцреализмом, но и он сам, свободно мыслящий, не «оглядывающийся» на авторитеты, резкий в суждениях и оценках, – плоть от плоти своего времени. Исходя из своего жизненного опыта и эстетических пристрастий, Астафьев не желает разбираться в «новой» литературе, не доверяет «молодой» критике. В основе его взглядов лежит убеждение в том, что художественная литература призвана воздействовать на жизнь, меняя её к лучшему. Так, в одном из писем 1995 г. Астафьев сетует, что ему не пишется, скорее всего, потому, что одолевают «мысли о беспомощности своего дела, вопрос, задаваемый не только мной самому себе: «Книжечек-то вон сколько, а сделали они людей лучше?» Надежда только на Бога и на время...» [2, с. 573].

Прочитав рукопись повести прозаика и поэта В. Болохова, Астафьев в февральском письме 1991 г. даёт ей резкую оценку: «Я считаю твою повесть *антилитературой*, и коли существует *антижизнь*, то и литература, ею рождённая, должна была явиться. И думаю, что половина читателей поймет *антиязык* литературы подобного рода. Ведь мы и сами не заметили, что более чем наполовину наш обиходный язык уже состоит из блатного сленга, косноязычия и сквернословия.

Не знаю, есть ли будущее у литературы подобного рода? Почему бы и не быть? Ведь привился же рок к слаборазвитым народам...» [2, с. 459]. «Антилитературе», «антикультуре» Астафьев противопоставляет «классическую русскую культуру и прежде всего литературу» – прозу Бунина, Тургенева, Гоголя, Пушкина: «как тянет глотнуть чистого воздуха после душного помещения» [2, с. 459].

В одном из писем автор с горечью говорит о том, что «люди, толпа на земле всегда были недостойны своих гениев», удерживающих «собратьев по роду и по земле» «опуститься обратно на четвереньки». <...> Гениям среди нас уже делать нечего, *мы у края жизни, морали*, и вот пришли певцы и проповедники этого края, осквернители слова, надругатели добра, люди вялой, барахольной мысли и злобного пера.

Ещё никогда так открыто не проповедовалось зло в его омерзительном облике, и только так возможно восприятие этих, к сожалению, передовых художников, совершенно точно выражающих распад времени и морали совершенно разнузданными средствами» [2, с. 489].

В письме В. Я. Курбатову от 10 февраля 1998 г. В. П. Астафьев ставит свой диагноз современной словесности: «...*Литература от литературы* приняла массовый характер и давно уже несёт в своём интеллектуальном потоке красивые фонарики с негасимой свечкой, обёртки от конфеток, меж которых для разнообразия вертится в мелкой стремнине несколько материализованных щепок, оставшихся от строившегося социализма. <...> *Белокровие* охватывает литературу, занимающуюся строительством «новых» направлений на прежнем месте и из уже давно отработанных материалов» [2, с. 632], но не тех, что «сработали» Пушкин, Лев Толстой, Достоевский и Лесков.

В июньском письме 1993 г. Астафьев напоминает об ответственности писателя перед читателем: «*Живём и работаем абы как, и это после той блистательной литературы, которая за нашей спиной не то что неосвоенная, не постижимая умом, но даже и не прочитанная как надо (Гоголь прежде всего)*» [2, с. 512]. И сам спасается работой, чтобы «отвлекала от суеты и помогала забыть», чтобы «не особо остро *раниться* о современную жизнь...» [2, с. 520].

Писателя беспокоит ситуация с литературными периодическими изданиями,

его тревожит и будущее литературно-художественных журналов и альманахов. Он много пишет о плачевном состоянии культуры в провинции. Письма 90-х гг. изобилуют оценками и новых литературных произведений. Астафьев радуется успехам Евгения Носова и высоко оценивает его рассказ «Красное, жёлтое, зелёное»: «Увядаяще-прекрасный и светлый островок среди параш, камер, казарм, общаг и московских квартир, где маются интеллектуалы с похмелья» [2, с. 517]; хвалит Алексея Варламова за повесть «Рождение» и Михаила Черкасского за книгу «Сегодня и завтра, и в день моей смерти». Отмечает произведения Михаила Кураева, Леонида Бородин, Инги Петкевич и др.

По-особому раскрывается автор «эпистолярного дневника» в письмах, адресованных писателям-фронтовикам: Евгению Носову, Вячеславу Кондратьеву, Юрию Бондареву и др. Он радуется их успехам, рекомендует их произведения своим адресатам, проявляет удивительное внимание, чуткость, заботу и доброту. Так, его отличает совершенно удивительное, сердечное отношение к Евгению Носову, которого Астафьев высоко ценит и дорожит его дружбой. Он стремится помочь вдове Константина Воробьева, чтобы восстановить справедливость по отношению к писателю трагической судьбы, пишет Вячеславу Кондратьеву сразу по прочтении его повести «Сашка» («очень хорошую, честную и горькую книгу собрал»).

Астафьевские письма – это и уникальный материал, связанный с его литературным окружением, раскрывающий взаимоотношения с ним. Уважительно, по-человечески тепло он относится к С. Залыгину, К. Воробьеву, Е. Носову, В. Быкову, Ю. Гончарову, И. Акулову, Л. Леонову, А. Солженицыну, Н. Рубцову, Ю. Нагибину, Ю. Сбитневу. Письма также свидетельствуют о том, что отношение Астафьева в силу объективных причин со временем может меняться: так, в девяностые годы он не примет позиции и настроен критически к В. Распутину, В. Белову, Ю. Бондареву. И хотя система оценок Астафьева не знает полутонов, однако подавляющее большинство писем свидетельствует о добром и товарищеском отношении к собратьям по «цеху».

Для понимания астафьевской позиции, его оценки литературной ситуации 1990-х гг. важно «самоощущение» писателя,

его восприятие времени. Болезненной для Астафьева темой остаётся война. В письме Евгению Носову он признаётся: «Весь праздник, и день рождения свой, и этот горький День Победы постараюсь пробыть в тайге. Там я себя равноправным существом чувствую, а здесь, как деревянная куколка на нитке: и дёргают, и дёргают со всех сторон, и то ты кверху задом, то вниз головой» [2, с. 560].

К войне у бывшего фронтовика Астафьева особое отношение. Не случайно, одной из «сюжетообразующих» линий в книге стала война в жизни и творчестве писателя. Его первый рассказ «Гражданский человек» (1951) был написан о войне, повести 1960–70-х гг. «Звездопад», «Где-то гремит война», «Пастух и пастушка» о ней же, как и итоговый роман «Прокляты и убиты», а также примыкающие к нему повести 1990-х гг., составившие своего рода трилогию («Так хочется жить», «Обертон», «Весёлый солдат»). В письме к А. М. Борщаговскому от 22 ноября 1965 г. писатель признаётся: «На очереди небольшая повесть о войне. А я писать о войне всякий раз боюсь. Боюсь перед памятью убитых друзей сделать что-нибудь недостойно, лукавить, а ещё памяти своей боюсь. Иной раз так и думаю, что сдохну, разворошив всё и заглянув в нутро войны. Словом, всякий раз будто перед вразправдавшим боем. Оттого и так мало я написал о войне – уваливаю всё» [2, с. 77]. Будучи сквозной в книге, тема войны раскрывается многими гранями: в фактах собственной биографии, в сведениях об однополчанах, в отношении к писателям-фронтовикам, в оценке работ историков и литературных произведений о войне, в воспоминаниях о ней, в изложении творческой истории военных повестей, в раздумьях о романе, посвящённом Великой Отечественной войне.

Военная биография Астафьева раскрывается во многих письмах. В частности, в одном из них он вспоминает: «Летом 41 года – учился в ФЗО на станции Енисей, поработал полгода и на фронт. Воевал сперва на Брянском фронте, а потом всё время на 1-м Украинском. Воевал рядовым солдатом в артиллерии, был трижды ранен (бойкий наскочет!) и рядовым снят с учёта в 50 лет» [2, с. 268]. Писатель активно переписывается и с однополчанами, вспоминает своих фронтовых друзей.

Он много и мучительно размышляет о войне, на протяжении нескольких десятилетий собирает материал о ней, вынаши-

вает замысел создания романа, постепенно вырабатывая свою философию войны. В апреле 1983 г. Астафьев пишет резкое письмо в редакцию газеты «Московские новости» по поводу полемики Василия Морозова и Александра Самсонова, опубликованной на страницах газеты в 13-м номере: «<...> Советские историки в большинстве своём, а сочинители и редакторы «Истории Отечественной войны» в частности, давно потеряли право прикасаться к святому слову «правда». <...>

Вся двенадцатитомная «История» создана, с позволения сказать, «учёными» для того, чтобы исказить историю войны, спрятать концы в воду, держать и дальше наш народ в неведении относительно наших потерь и хода всей войны, особенно начального её периода» [2, с. 325]. Как фронтовик, знающий о войне не понаслышке, страдающий от наслоений лжи о ней и близко к сердцу принимающий эту ложь, Астафьев обострённо воспринимает и болезненно реагирует на искажение исторической правды. Именно поэтому писателю важно донести до читателя свою правду, показать ту войну, которую он знал, добраться до её «нутра».

Замысел итогового романа о войне возник у Астафьева, по-видимому, по завершении повести «Пастух и пастушка», в процессе её доработки. В одном из июньских писем 1974 г. И. Стрелковой он упоминает о том, что у него «вчерне написанный лежит второй уже год роман о войне» [2, с. 188]. Причём, эта работа не даёт писателю покоя, 9 августа того же года в письме А. Михайлову он вновь возвращается к роману: «Собираюсь всерьёз и вплотную заняться военной темой после «Царь-рыбы» [2, с. 189]. Для исследователей творческой истории произведений Астафьева особое значение будут иметь все упоминания, связанные с будущим романом.

Любое эпистолярное повествование отличается фрагментарностью, и тем важнее, что Астафьев в письмах вновь и вновь возвращается к неотступно владеющей им мысли написать эпическое произведение о войне. В одном из летних писем 1978 г. он признаётся: «Я всё думаю над трилогией о войне, она у меня уже обрисовалась, в общем-то, и на будущий год, жив буду, приступлю к этой невероятно трудной работе, и хватит мне её, наверное, до конца дней моих» [2, с. 259]. Через три года, переехав из Вологды на свою «малую родину» в

Сибирь, Астафьев в коротеньком письме, адресованном В. В. Воробьёвой, упоминает и о романе: «В Сибири всё ещё устраиваюсь, но и помаленьку начинаю работать. Осенью надеюсь начать свой роман. О войне. Годы летят, а всё кажется, что *главная книга* всё ещё не написана. Что она впереди» (29 августа 1981 г.) [2, с. 301].

И уже работая над романом, в письмах автор делится планами, рассказывает о том, как продвигается его труд. Однако работа над ним периодически прерывается: то из-за «Печального детектива» (1985), новых рассказов – глав «Последнего поклона» и других произведений, то из-за многочисленных поездок и писательских «представительских» и прочих обязанностей, то из-за домашних забот и семейных горестей. Но причина, возможно, и в другом. В 1985 г. в письме к Г. Ф. Шаповалову Астафьев с горечью замечает: «Просят, умоляют написать о войне, напишешь – не проходит в печать: всем нужна война красивая и героическая, а та, на которой мы были, с грязью, вшами, подлецами-комиссарами вроде начальника политотдела нашей дивизии – такая война никому не нужна, а врать о войне я не могу...» [2, с. 348].

В письмах вновь заходит речь о романе уже в конце 80-х гг., автор сообщает В. А. Линнику, что работа над второй и третьей книгами завершена, и он заканчивает первую (24 ноября 1989 г.). В связи с началом публикации в 1992 г. в «Новом мире» романа «Прокляты и убиты» Астафьев сообщает своему другу Евгению Носову: «В 10–11-м номерах «Нового мира» собираются печатать мою первую книгу романа («Чёртова яма» – А. С.), готовлюсь ко второй и вижу, какая «лёгкая» была первая. Одолею ли? Надел сам на себя хомут и тащусь на стёртой шее» [2, с. 495]. В связи с публикацией второй части романа «Плацдарм» в 1994 г. («Новый мир», № 10–12) в письме В. Я. Курбатову Астафьев жалуется, что его это не радует, т. к. «пришлось сокращать семь листов, резать по живому...» [2, с. 546].

Роман «Прокляты и убиты» сразу же после публикации оказывается в центре жёсткой полемики, многие фронтовики его не принимают. Они пишут Астафьеву, и он вынужден оправдываться, объяснять свою позицию, спорить, убеждать: «Что же касается неоднозначного отношения к роману, я и по письмам знаю: от отставного комиссарства и военных чинов – ругань, а от солдат-окопников и офицеров идут письма одобрительные, многие со словами: «Слава богу, дожили до правды о войне!..»

Но правда о войне и сама неоднозначная. С одной стороны – Победа. Пусть и громадной, надсадной, огромной кровью давшаяся и с такими огромными потерями, что нам стесняются их оглашать до сих пор. Вероятно, 47 миллионов – самая правдивая и страшная цифра <...>» [2, с. 551–552].

Позиция Астафьева, проявившаяся в романе, высказывалась им и ранее – в публицистике, в интервью, поэтому он вынужден был отвечать на письма своих оппонентов и вести нелёгкий для себя самого и другой стороны разговор. В литературную летопись Великой Отечественной войны Астафьев, несомненно, вписал свою страницу. Может быть, поэтому он так долго «болел» этим романом, так мучительно размышлял о противоречиях, итогах и уроках войны.

Материал «эпистолярного дневника» настолько насыщен, уникален и значителен, что масштабное исследование его ещё впереди. Астафьевские письма, создававшиеся на протяжении полувека и собранные под одной обложкой, стали документом своего времени, в котором автор запечатлел жизнь духа на фоне исторической действительности второй половины XX столетия. И в этом состоит главное значение и жанровая новизна книги Астафьева, в которой, с одной стороны, сохраняется верность отечественной литературной традиции (эпистолярное повествование, приближающееся по форме к писательскому дневнику), с другой, активно осваивается новое содержание.

Список литературы

1. Астафьев В. Царь-рыба : повести и рассказы. М. : Эксмо, 2004. 960 с.
2. Астафьев В. П. Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001 / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск : Сапронов, 2009. 720 с.
3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.
4. Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов : письма из глубины России / сост., предисл. Г. Сапронова. Иркутск : Издатель Сапронов, 2002. 512 с.
5. Муравьев В. С. Эпистолярная литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Ин-т научн. информации РАН. М. : Интелвак, 2001. С. 1234, стб. 2.